

РУССКАЯ СТИХОТВОРНАЯ МИНИАТЮРА. ХРЕСТОМАТИЯ

**РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ
МИНИАТЮРА**

ХРЕСТОМАТИЯ

РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ
МИНИАТЮРА

Хрестоматия

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2005

УДК 821.161.1.0(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Р89

Составители *А.Б. Есин, О.А. Палехова, С.Я. Долинина*

Автор вступительной статьи *А.Б. Есин*

Русская стихотворная миниатюра : хрестоматия / сост. А.Б. Есин, О.А. Палехова, С.Я. Долинина. — М. : Флинта : Наука, 2005. — 208 с.

ISBN 5-89349-821-6 (Флинта)

ISBN 5-02-033326-3 (Наука)

Впервые в антологию русской стихотворной миниатюры XIX—XX веков вошли произведения 60 поэтов от Державина до Рубцова. Собрание миниатюры позволяет проследить формирование и развитие жанра в русской лирике и может быть использовано как хрестоматия.

Издание предназначено для преподавателей, студентов, школьников и всех, интересующихся поэзией.

Учебное издание

Русская стихотворная миниатюра

Хрестоматия

Подписано в печать 14.03.2005. Формат 84 × 108/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 1000 экз. Изд. № 996. Заказ 1238.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 345.

Тел./факс: (095) 334-82-65, тел.: (095) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru. WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485, ул. Профсоюзная, д. 90

ГП Псковской области «Великолукская городская типография»

Комитета по средствам массовой информации
182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Тел./факс: (811-53) 3-62-95

E-mail: VTL@MART.RU

ISBN 5-89349-821-6 (Флинта) © Издательство «Флинта»,
ISBN 5-02-033326-3 (Наука) 2005

Похвальное слово миниатюре

— Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

...А левша доложил, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твое имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уж никакой мелкоскоп взять не может.

Н.С. Лесков. Левша

Отдавая дань мастеру, мы сравниваем его с левшой. И видимо, не зря воплощение мастерства в нашем сознании связано с творением, поражающим не грандиозностью, а миниатюрностью. Умение создать шедевр, работая на минимальном пределе, — высшее умение, высшее мастерство.

Для миниатюры нужна не только безукоризненная техника, не один профессиональный, а и чисто человеческий опыт, так что потребность писать кратко появляется только в некий срок, когда приходит умудренность. Просматривая томик лирики какого-нибудь поэта в поисках миниатюр, ощущаешь это со статистической непреложностью: в начале миниатюр нет совсем, а если есть, то еще очень несовершенные, эскизные; чем ближе к концу — тем их больше, качество выше.

Всему свой ряд, и лад, и срок:
В один присест, бывало,
Катал я в рифму по сто строк,
И все казалось мало.

Был неогляден день с утра,
А нынче дело к ночи...
Болтливость — старости сестра, —
Короче.
Покороче.

А.Т. Твардовский

Миниатюра — это зрелость поэта.

У самого Твардовского есть пример, подтверждающий это как нельзя лучше. Много лет, еще со стихотворения «В тот день, когда окончилась война...», неотступно возвращался поэт к своей главной, наверное, теме — к теме памяти, к образам павших на войне, к мысли о том, что живые перед ними в неоплатном долгу. Со временем все яснее проступает главное чувство — чувство невольной вины перед павшими, вины уже навсегда неискупимой, не

отпускающей душу... Рождались строки потрясающей, невиданной, может быть, в поэзии силы. А все же что-то было еще «не так», пока не появились вот эти шесть строк:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Добрую половину жизни шел поэт к этой миниатюре. А написав незадолго до смерти этот шедевр самой высочайшей пробы, больше уже в своей лирике к этой теме не возвращался...

К.Ф. Рылеев за всю свою жизнь написал единственную миниатюру; она была, вероятно, его последним стихотворением. Заключение в крепость после восстания на Сенатской площади, Рылеев написал вот эти четыре строчки:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Коли ношу их за Отчизну.

«Опубликовать» это стихотворение Рылееву пришлось классическим способом узников: выцарапав его на тюремной тарелке. Тут потребовалась предельная краткость: не до подробностей здесь, а сказать бы самое-самое важное, чтобы если дойдет до людей это

послание, то врезалось бы оно в память и сердца.

Судьба заставила быть кратким и Есенина, в целом не часто обращавшегося к миниатюре. Но... сколько успеешь написать вытекающей из перерезанных вен кровью? «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Восемь строк — а потом смерть.

Миниатюра — это часто итог. Это сумма, квинтэссенция, сжатый до предела сгусток человеческой и поэтической энергии. И если поэзия всегда подобна электричеству, то миниатюру уместно сравнить с молнией — миллионвольтная мощь вложена в один миг, в один удар, который длится секунды, но иногда кажется бесконечным...

Миниатюра — это вечность в мгновении.

Законы, приложимые к творчеству личности, часто приложимы и ко всему художественному развитию нации. Миниатюра — зрелость поэта, но она и зрелость национальной поэзии. Откройте любого допушкинского поэта — он очарует вас, но и поразит уже непривычной многословностью... По пальцам можно пересчитать миниатюры Державина, Жуковского. Русская поэзия еще в становлении, и, может быть, восхищенная возможностью обо всем на свете сказать стихами, она еще не думает об экономии — щедрость юности. А с Пушкина начинается иное: постепенно вызревает в русском поэтическом сознании чеховский афоризм: «Умение писать состоит в умении вычеркивать».

Пушкинский шедевр на века:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко: печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Работа над ним, сколько можно судить по черновикам, была подобна огранке алмаза: уменьшалась масса и возрастала красота, эстетическое достоинство. За теми строками, которые мы знаем теперь, первоначально следовали еще две строфы:

Прошли за днями дни, сокрылось много лет.
Где вы, бесценные создания?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Кто скажет, что это поэтически несовершенно? Глубокие по мысли и переживанию, совершенные по исполнению, эти строки оказываются все же лишними по строжайшему пушкинскому счету и в окончательный текст не включаются. Пушкин гениально почувствовал, что продолжения не требуется: оно лишь поясняет и украшает поэтический смысл, заключенный в первых двух стро-

фах, размывая тем самым четкость психологического состояния, понижая уровень обобщения. А ведь, наверно, немногие поэты устояли бы против искушения увеличить окончательный текст вдвое: строфы-то сами по себе удачные, расставаться с ними жалко! И хорошее получилось бы стихотворение. Но — просто хорошее, а у Пушкина — гениальное.

Время идет, и русские поэты конца века уже обращаются к миниатюре как к форме знакомой и естественной. У юного Блока их больше, чем у «старика Державина». Поэт молод, но русская поэзия уже совсем взрослая.

Здесь, кстати, стоит заметить, что в русской стихотворной культуре никогда не было «специального» миниатюрного жанра, если не считать, впрочем, полулитературных-полубытовых жанров эпиграммы, эпитафии, надписи и прочее. (Большинство таких стихотворений создавалось «на случай»; не предназначалось для публикации и не претендовало на высокую художественность.) В японской поэзии есть хокку и танка, в восточной — рубаи, в античной — элегический дистих, в русской ничего подобного не было и нет. И может быть, это к лучшему: от этого русская миниатюра свободнее, непринужденнее, гибче — она во всем своем строении и даже в числе строк подвижнее, легче приспосабливается к ситуации и к тому содержанию, которое в нее должно быть вложено в данный момент.

Здесь, кстати, уместно поговорить и о числе строк в миниатюре. Предельное их число я полагаю равным восьми-девяти. Восемь — это

две самых распространенных строфы, два четверостишия. Выбор числа вроде бы и произволен, но в то же время и не совсем. Почему, например, не меньше? Да потому, что восемь строк, даже если это четыре двустишия, читаются и воспринимаются все-таки на одном дыхании, «разом», композиционно не дробятся. А почему не больше? Ну, прибавление девятой строки ничего существенно не меняет: этот несчастный случай — просто превращение второго четверостишия в пятистишие. Девятую строку надо зарифмовать с какой-то из предыдущих, так что она органически сливается со всей строфой, и общая структура остается неизменной. А вот десять строк или тем более двенадцать — три четверостишия — уже совершенно иная художественная форма. Они позволяют развернуть лирическое повествование, в восприятии они *глятся*, укладываются в сознании постепенно, а не мгновенно. Ощутим в 10—12-стишиях и принцип сонетности: естественная композиция той и другой формы — трехчастность, а это уже предполагает сложное, проходящее диалектические ступени развитие поэтического образа и поэтической мысли: тезис — антитезис — синтез. Это уже явно не миниатюра, тут иной принцип поэтического воздействия.

Миниатюра нагляднейшим образом воплощает в себе «закон поэтической экономии»: эстетический эффект возникает оттого, что максимально возможный результат достигается минимальными средствами. Чехов как-то дал изумительно точное определение грации:

«Это когда на какое-то действие затрачивается наименьшее количество движений».

Миниатюра — это грация поэзии.

Энергия стихотворения, максимальная ее концентрация и сосредоточенность — вот что главное в миниатюре. Но чтобы на малом пространстве нескольких строк добиться этой сосредоточенности, нужны свои приемы, особые средства. Прежде всего — особые слова. В поэме или большом стихотворении слово можно уточнить, дополнить. В миниатюре же максимальная точность каждого слова становится непреложным законом. На уточнения нет времени, каждое слово должно сразу занять единственно возможное для него место. И это иногда при выражении сложнейших ходов мысли, тончайших переживаний, для которых и слов-то, кажется, еще нет в языке. Знаменитое пушкинское «Мне грустно и легко, печаль моя светла» — уникальное по точности и краткости выражение одного из самых, может быть, непростых и трудноуловимых переживаний. Лермонтовское «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» — какой изящно-точный парадокс, и как незаменимо в нем каждое слово!

Миниатюра — это точность поэзии.

Но и точность еще, пожалуй, полдела; ведь она в той или иной степени обязательна для всей поэзии. Сжатый до предела объем миниатюры заставляет искать особой выразительности, более мощных средств эмоционального воздействия.

В частности, как это ни парадоксально на первый взгляд, в миниатюре наблюдается

значительное уменьшение так называемой иносказательной образности, особенно сравнений. Они заменяются эпитетами, потому что точно найденный эпитет, не уступая сравнению в выразительности, много экономнее. Но он и требует от читателя повышенного внимания к себе, к своей смысловой и изобразительной нагруженности. Вот, например, лермонтовское, знакомое чуть ли не с детства: «Ночевала тучка золотая...» А почему «золотая»? Тучка обычно серая, но серый цвет здесь эмоционально не подходит: темные цвета в нашем сознании скорее связываются с утесом. «Золотая» — значит красивая, яркая, блестящая; молодая даже, может быть. Но не только это: тучка может быть золотой (с розовым или красноватым отливом, напоминающем о «червонном золоте»), например, на рассвете, подсвеченная идущими еще снизу лучами — и вот уже яркая изобразительная картинка: «Утром в путь она умчалась рано, По лазури весело играя...»

Пушкинская миниатюра «К портрету Жуковского» — шедевр точности и выразительности эпитета; художественное создание, образность которого едва ли не целиком на эпитете построена:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливу ю даль.
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Здесь, по-видимому, и комментировать ничего не надо, да и нелегко — уж очень емки-

ми оказываются определения. «Веков завистливая даль» — да чтобы выразить все богатство этой формулы в каких-то иных словах, придется, пожалуй, исписать страницу...

В миниатюре всегда можно найти опорное слово или слова, чье напряжение предельно. Миниатюра любит слово нетривиальное, или же, наоборот, простое, примелькавшееся, но неожиданно «освеженное» — то ли новым значением, то ли воспоминанием о значении исходном, этимологическом, то ли неожиданной смысловой связью. Вот классическое лермонтовское: «Мне грустно... потому, что весело тебе»; вот многозначное слово у Майкова:

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

Здесь летний дождь, золото и хлеб объединились, если вдуматься, не только по внешнему признаку — сходству цвета, — но и по взаимной связи, и по общей ценности. Вот внезапное, но по сути очень точное переосмысление отношений субъекта и объекта в миниатюре Л. Мартынова:

Есть книги —
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают
Они!

А вот миниатюра К. Симонова:

То недосуг
самих себя
чинить,
То в спешке
чью-то гибель провороним.
Не оттого ль так
часто
и хороним,
Что некогда друг друга
хоронить.

Поэт «вспоминает» изначальное значение слова «хоронить»: охранять, беречь от беды — и как свежо звучит не новая, в общем-то, мысль в этом грустном, горьком каламбуре!

Коль скоро мы ведем разговор о стихотворной миниатюре, уместно вспомнить о собственно поэтических, стиховых способах усилить выразительность произведения. Вот, например, характер рифмовки. Для русской поэзии наиболее распространенной следует, очевидно, считать рифмовку перекрестную. Строки, рифмующиеся строго через одну, создают в сознании естественный и очень четкий ритм нормального среднего темпа:

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Ф.И. Тютчев

Это как естественное дыхание: вдох-выдох, вдох-выдох. Парная рифмовка увеличивает темп, скорость стиха:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

А.К. Толстой

Но для миниатюры этот эффект не так уж и нужен, ибо ее время и без того скоротечно. Гораздо важнее противоположный эффект — возможность притормозить четкий ритм, задержать движение, создать как бы дополнительную паузу. Отсюда — кольцевая рифмовка, встречающаяся в миниатюре гораздо чаще, чем в поэзии вообще:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

А.С. Пушкин

Привычка к естественной перекрестной рифмовке заставляет ждать рифму к «мои» в третьей строке, но ее нет; рифма «откладывается», ожидание продлевается. Не случайно в таких конструкциях ударная строка — четвертая: и потому, что последняя, и потому, что ее ожидание напряженнее:

Пускай стихи, прочитанные просто,
Вам скажут все, о чем сказать должны.
А каблуки высокие нужны
Поэтам очень маленького роста.

С.Я. Маршак

Дыхание задерживается на вдохе, как бывает в момент напряжения ("затаив дыхание"), и оттого выдох потом — глубже, сильнее. А еще такую конструкцию можно сравнить с волной: вместо мерного перепада гребней и впадин при перекрестной рифмовке волна здесь продолжает набирать высоту и в третьей строке, чтобы тем сильнее обрушиться вниз в четвертой — всей мощью накопленной дополнительной энергии.

Нередко той же цели — задержать дыхание, создать большой «перепад высот» и тем самым подчеркнуть ударную концовку — служит введение в традиционное четверостишие пятой и иногда шестой строки:

С тропы своей ни в чем не сосупая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

А.Т. Тварговский

Здесь — тот же эффект: нарушить привычную мерность четверостишия с перекрестной рифмовкой, замедлить темп и тем самым повысить значимость итога — двух последних строчек.

Любопытно, что «средства усиления» в миниатюре всё в основном незаметные, открывающиеся лишь анализу и не привлекающие к себе специального внимания в обычном восприятии. Миниатюра в принципе чуждается «работы на эффект», вычурности: и потому, что вычурность неэкономна, и потому, что

она, в сущности, всегда есть фальшь, фальшивинка, заметная в миниатюре как нигде. Миниатюра, напротив, тяготеет к той, по выражению Пастернака, «неслыханной простоте», что в настоящем искусстве на вес золота.

Державинская «Надпись на гробнице Суворова в Невской», по-видимому, самое краткое произведение во всей мировой художественной литературе: оно состоит всего из трех слов: «Здесь лежит Суворов». И подождем с иронической улыбкой: какое же это, мол, поэтическое произведение? — Именно поэтическое и, по-моему, одно из самых потрясающих своей скрытой силой. Вспомним традицию пышных многоречивых эпитафий восемнадцатого века: если даже про ничем не замечательного Дмитрия Ларина все же сообщалось, что он «смиранный грешник... Господний раб и бригадир», то уж величайшему полководцу, генералиссимусу и проч. и проч. как не соорудить эпитафию с подробным перечнем громких титулов и заслуг! Чем пышнее — тем величественнее... Державин в этой ситуации нашел поистине гениальное решение, отбросив все и оставив только имя: Суворов. Надо ли что-то прибавлять? Всякому русскому и без того предельно внятна державинская эпитафия, и ее строгость, гордое достоинство отвечают величию лучше пышности и многословия. Невольно вспоминается толстовское: «Нет величия там, где нет простоты, ... и правды».

(Между прочим, Державин в этой эпитафии решительно последователен в уходе от специально надгробной, высокой лексики: не

«под сим камнем», а «здесь», не «покоится» и не «вкушает мир», а «лежит»).

В тяготении миниатюры к простоте — одна из ее удивительных загадок. Ну что особенно-го в такой, например, поэтической мысли:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

А.С. Пушкин

То, что сказал здесь поэт, «мы и сами знаем», а все же чем-то поражают эти строки: неожиданным открытием, открытием мудрости. Миниатюра делает предельно ощутимым различие между мудростью и банальностью, истиной и трюизмом. Она отливает вековую человеческую мудрость в прекрасные и незыблемые огненные формы, поэтические формулы, и тем самым, вероятно, дает нам почувствовать *глубину* мудрости, остановиться перед истиной, вдуматься в нее. Торопливый взгляд видит в истине банальность, неспешный — неисчерпаемость смысла.

Миниатюра — это мудрость поэзии.

В сущности, это вековая закономерность: золотой запас общенационального, общечеловеческого опыта всегда отливался в некоторую совершенную, единственно возможную

(так всегда кажется *после* того, как слово сказано, а ведь *до* этого то же говорилось по-другому, говорилось, да не удержалось) и регулярно воспроизводимую форму, и всегда эта форма отличалась почти предельной краткостью. В фольклоре это пословицы, устойчивые формулы песен и сказок, в литературе — афоризм, крылатое выражение, миниатюра. Такие строки много больше, чем просто удачные выражения: они становятся необходимой формой нашего мышления о некоторых существенных сторонах бытия, так что о той или иной ситуации мы уже иначе и не можем помыслить, как «хрестоматийным» «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...», или «Не говори с тоской: *их нет*, Но с благодарностию: *были...*», или «Пустое *вы* сердечным *ты...*», или «И сердце вновь горит и любит — оттого, Что не любить оно не может...», или «Пора, мой друг, пора...», или «Умом Россию не понять...», или «Не стойте только над душой, Над ухом не дышите...», или...

Но миниатюра не только запечатлевает непреложность уже добытых человечеством истин, она идет дальше, открывая неведомое, создавая поэтические гипотезы, волнующие предчувствием истины. И здесь ей верно служит парадокс, переосмысливающий ставшую почти бессодержательной банальность, прорывающийся через очевидное — к невероятному, непознанному. Недаром ведь Пушкин метко сказал: «Гений — парадоксов друг». Например, что может быть банальнее утверждения: «природа — сфинкс»? А вот как это у Тютчева:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Или у Цветаевой — даже не сразу понятные строки:

И голубиной — не черни
Галчонка — белизной...

И лишь потом вдруг постигаешь, что белизной действительно можно чернить...

После всего сказанного надо ли удивляться тому, что среди миниатюр так часты шедевры, то есть создания *абсолютно* законченные и безупречные в смысловом и эстетическом отношении. Можно сказать, что всякая миниатюра — потенциальный шедевр: таковым ее делает стремление высказать самое существенное в максимально отточенной поэтической формулировке. Собрание миниатюр — это во многом собрание шедевров, подлинных жемчужин русской поэзии.

Поистине: мал золотник, да дорог.

А.Б. Есин

Составители выражают сердечную благодарность Ивану Андреевичу Есину за помощь в создании и подготовке книги к печати.

Г.Р. Державин
(1743—1816)

На птичку

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту;
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»

1792 или 1793

На гробницу Суворова
в Александро-Невской лавре

Здесь лежит Суворов.

1800

* * *

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы, —
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

1816

Н.М. Карамзин (1766—1826)

Эпитафия

Покойся, милый прах, до радостного утра!

1792

Любовь и дружба

Любовь тогда лишь нам полезна,
Как с милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда с любовию равна.

1797

Два сравнения

I

Что наша жизнь? Роман. — Кто автор? Аноним.
Читаем по складам, смеемся, плачем... спим.

II

Что есть жизнь наша? — сказка.
А что любовь? — ее завязка;
Конец печальный иль смешной.
Родись, люби — и Бог с тобой!

1797

Страсти и бесстрастие

Как беден человек! Нам страсти — горе, мука;
Без страсти жизнь не жизнь, а скука:
Люби — и слезы проливай;
Покоен будь — и век зевай!

1797

Вопросы и ответы

Что есть любить?
Тужить.
А равнодушным быть?
Не жить.

1799

Надписи на статую Купидона

1. На голову

Где трудится голова,
Там труда для сердца мало;
Там любви и не бывало;
Там любовь — одни слова

2. На глазную повязку

Любовь слепа для света
И, кроме своего
Бесценного предмета,
Не видит ничего.

3. На сердце

Любовь — анатомист: где сердце у тебя,
Узнаешь, полюбя.

4. На палец, которым Купидон грозит

Награда скромности готова:
Будь счастлив — но ни слова!

5. На руку

Не верь любовнику, когда его рука
Дерзка.

1798

Тень и предмет

Мы видим счастья *тень* в мечтах земного света;
Есть счастье где-нибудь: *нет тени без предмета.*

1820

В.А. Жуковский **(1783—1852)**

Прощанье старика

Прости, мятежное души моей волнение,
Прости, палящий огонь цветущих жизни лет,
Прости, безумное за славою стремление,
Для вас в моей душе ни слез, ни вздоха нет!

Мечты разрушены, исчезло привиденье!
Но ты, восторг души, всех буйных чувств покой,
О сладость тихая, о сердца восхищенье,
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

1806

Моя тайна

Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою
Так весел! — Вот секрет: *вчера* дарю забвенью,
Покою — *ныне* отдаю,
А *завтра* — Провиденью!

1810

* * *

Кто слез на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал, —
Тот вас не знает, вышни силы!

На жизнь мы брошены от вас!
И вы ж, дав знаться нам с виною,
Страданью выдаете нас,
Вину преследуете мздою.

1816

К портрету Гёте

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всеозрящей мыслию над миром он носился,
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

1819

* * *

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем

Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;

Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою.

1821

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

1822

Признание

Я на тебя с тоской гляжу,
В груди огонь, в душе молчанье.
Хочу сказать... Но что скажу?
О друг, пойми мое признание.
Тиха любовь к тебе моя;
Она всех чувств успокоенье,
Хранитель — гений бытия,
Души надежда и спасенье.

1831

Приход весны

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,

Теплый дождь, сверканье вод, —
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

1831

К.Н. Батюшков
(1787—1855)

Эпитафия

Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: он был, и нет его!

1809

* * *

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенье,
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслаждение!

1818

* * *

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Вверяйся челноку! Плыви!

1818

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей пролады,
Где нежились рои красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод!

1819

Подражание Ариосту

*La verginella e semile alla rosa*¹

Девушка юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но рои благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

1821

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом рождается человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821

¹ Девушка подобна розе (итал.).

Д.В. Давыдов
(1784—1839)

В альбом

На выюке, в тороках цевницу я таскаю;
Она и под локтем, она под головой;
 Меж конских ног позабываю,
 В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
 Пусть загремят войны перуны,
 Я в этой песне виртуоз!

1811

Логика пьяного

Под вечерок Хрунов из кабачка *Совы*,
Бог ведает куда, по стенке пробирался;
Шел, шел и рухнулся. Народ расхохотался.
Чему бы, кажется? Но люди таковы!
 Однако ж кто-то из толпы
(Почтенный человек!) помог ему подняться
И говорил: «Дружок, чтоб впредь не спотыкаться,
 Тебе не надо пить!..»
— «Эх, братец! Все не то: не надо мне ходить!»

1817

Ответ

Я не поэт, я — партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.

Нет! Не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запеваю!

1826

Генералам, танцующим на бале
при отъезде моем на войну 1826 года

Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.

1826

При виде Москвы, возвращаясь
с Персидской войны

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
 О кто, кто из твоих сынов
 Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
 Твоих палат, твоих садов,
 Твоих холмов красноречивых!

1826

* * *

Вошла, как Психея, томна и стыдлива,
Как юная пери, стройна и красива, —
И шепот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

1833

* * *

Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил себя обманом, —
Я обомлел! — Так, случаем неожиданным,
Гуляющий на вале сорванец —
Встречается солдат-беглец
С своим суровым капитаном.

1834

* * *

25 октября

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! — Я счастлив! Я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...
Но теплота души, но все, что так люблю я
С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
Не им, а мне!

1834

А.С. Пушкин
(1799—1837)

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый вѣк,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

1815

* * *

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

1815

Она

«Печален ты; признайся, что с тобой».
— Люблю, мой друг! — «Но кто ж тебя пленила?»
— Она. — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
— О, нет! — «Кому ж ты жертвуешь душой?»
— Ах! ей! — «Ты скромн, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
— Не то, мой друг! — «Но что ж?» — Я ей не он.

1817

* * *

Тошней идилии и холодней, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкий образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
Век ни любовницы, ни друга.

1813—1817

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

1816

К портрету Жуковского

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

1818

Дориде

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

1820

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

1820

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

1823

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.

Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя...

1823

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

1825

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первоцветов полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

1825

Движение

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.

Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

1825

* * *

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

1825

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

1825

Прозаик и поэт

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,

Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

1825

* * *

Нет ни в чем вам благодати,
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати
И умны вы невпопад.

(?)

Дружба

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

1825

Соловей и роза

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь — она цветет; зываешь — нет ответа.

1827

Три ключа

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

* * *

Tel j'etais autrefois et tel je suis encore¹

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.

¹ Эпиграф и первая строка (перевод эпиграфа) — из стихотворения А. Шенье (франц.).

Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой;
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несущи мои мольбы...

1828

Ты и Вы

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

1828

Портрет

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

1828

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —

Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829

Труд

Миг вожделенный настал: окончен мой труд
многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит
меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе
другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника
ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов
святых?

1830

Царскосельская статуя

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

1830

* * *

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» —
«Помилуй, — возопил глухой тому в ответ, —
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

1830

* * *

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.

1830

* * *

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...

1833

* * *

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений...

1834

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1834

(Из Анакреона)

Отрывок

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

1835

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг
задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835

* * *

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!

Прошли восторги, и печали,
И легковверные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

1835

Золото и булат

«Все мое», — сказало золото;
«Все мое», — сказал булат.
«Все куплю», — сказало золото;
«Все возьму», — сказал булат.

(?)

А.А. Дельвиг (1798—1831)

Любовь

Что есть любовь? Несвязный сон,
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,
То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

(?)

В альбом

О, сила чудной красоты!
К любви, по опыту, холодный,

Я забывал, душой свободный,
Безумной юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество — но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

1820

Е.А. Баратынский **(1800—1844)**

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!

Обман исчез, нет счастья! И со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

1822

Размолвка

Мне о любви твердила ты шутя,
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? Печальной доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;
Ты, может быть, была любима мною.

1823

Безнадежность

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги;
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.

1823

Уверение

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,

И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образом,
Но с беспокойством староверца.

1824

Ожидание

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.

1825

Дорога жизни

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.

1826

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

1828

* * *

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмострят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? точный смысл народной поговорки.

1828

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов!
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

1829

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

1834

* * *

О, верь, ты, нежная, дороже славы мне.
Скажу ль? Мне иногда докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!

Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня, о друг души моей!
И покори себе бунтующую музу.

1835

* * *

Всегда и в пурпуре и в злате,
В красе негаснущих страстей,
Ты не вздыхаешь об утрате
Какой-то младости твоей.
И юных граций ты прелестней!
И твой закат пышней, чем день!
Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень!

1840

П.А. Вяземский
(1792—1878)

* * *

Пусть остряков союзных тупость
Готовит на меня свой нож:
Против меня глупцы! — так что ж?
Да за меня их глупость.

1820

Петр I в Карлсбаде

Великий Петр, твой каждый след
Для сердца русского есть памятник священный,
И здесь, среди гордых скал, твой образ незабвенный
Встает в лучах любви, и славы, и побед.
Нам святы о тебе преданья вековые,
Жизнь русская тобой еще озарена,
И памяти твоей, Великий Петр, верна
Твоя великая Россия!

1853

* * *

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!

Средь юных, невоздержных лет
Мы любим пыл и блеск огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

1855

* * *

Ночью выпал снег. Здорово ль,
Мой любезнейший земляк?
Были б санки да рысак —
То-то нагуляться вдоволь!

Но в пастушеском Веве
Не дается сон затейный,
И тоскуешь по Литейной,
По застывшей льдом Неве.

1855

Другу Северину

От детских лет друзья, преданьями родные,
На опустевшем поле боевом,
Мы, уцелевшие от боя часовые,
Стоим еще с тобою под ружьем.
Теченьем волн своих нас время разлучило;
Когда же сердце в нас подернется тоской,
И тень вечерняя сменяет дня светило,
Мы окликаемся с тобой.

1858

* * *

Мне нужны воздух вольный и широкий,
Здесь рощи тень, там небосклон далекий,
Раскинувший лазурную парчу,
Луга и жатва, холм, овраг глубокий
С тропинкою к студеному ключу,
И тишина, и сладость неги праздной,

И день за днем всегда однообразный:
Я жить устал — я прозябать хочу.

1864?

* * *

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нем и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.

Дитя осмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

1868

Эпитафия себе заживо

Лампадою ночной погасла жизнь моя,
Себя, как мертвого, оплакиваю я.

На мне болезни и печали
Глубоко врезан тяжкий след;
Того, которого вы знали,
Того уж Вяземского нет.

1871

* * *

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,
Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;
Покоя твоего, ничтожество! я жажду;
От смерти только смерти жду.

(?)

Н.М. Языков
(1803—1847)

Элегия

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетия грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

1824

Молитва

Молю святое провиденье;
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени,
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

1825

* * *

Не вы ль, убранство наших дней,
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

1826

Элегия

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви...
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

1829

Элегия

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841

Д.В. Веневитинов **(1805—1827)**

* * *

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.

Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выпрених уроков,
С глаголом неба на земле.

1827

К.Ф. Рылеев
(1795—1826)

* * *

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Коли ношу их за Отчизну.

1826

А.И. Одоевский
(1802—1839)

* * *

Звучит вся жизнь, как звонкий смех,
От жара чувств душа не вянет...
Люблю я всех, и пью за всех!
Вина, ей-богу, неостанет!

Я меньше пью, зато к вину
Воды вовек не примешаю...
Люблю одну — и за одну
Всю чашу жизни осушаю!

1828

Ф.И. Тютчев
(1803—1873)

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

1826

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

1829

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! О, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный...
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

1829—1830

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

1829

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1829

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слились тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!

Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

1830

* * *

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных, —

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

1836

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

1836 (?)

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,

Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

1836

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он —
И вот ушел за небосклон!

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

1836 (?)

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?

1838

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, —
Как ночью на небе звезда...

1848

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848—1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

1849

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.

Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!

1850

* * *

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

1851

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1850—1851

Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья*
Через бездну двух или трех дней?

1854

* * *

С горы скатившись, камень лег в долине. —
Как он упал? Никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низвергнут *мыслящей* рукой!¹

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

1857

* * *

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может..
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

1864

¹ Вариант: *Иль был низринут волею чужой*. 1833.

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

1864

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

1866

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

1867

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

1869

* * *

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

1873

М.Ю. Лермонтов **(1814—1841)**

* * *

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:

Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все бог!

1837

* * *

Она поет— и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

1838

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

1840

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;

За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

1840

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

А.О. Смирновой

Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу;
Но молча вы смотрите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что ж делать?..
Речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

1840

* * *

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.

*Heine*¹

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

1841

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

1841

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна

¹ Они любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. Гейне (нем.).

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

1841

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

А.А. Фет (1820—1892)

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,

И саней далеких
Одинокий бег.

1841

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

1843

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

1883

* * *

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздок —
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

1884

* * *

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
Всю эту степь озаривший и гаснувший луч.

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!

1884

* * *

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.

Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно,— человечно.

1886

* * *

Прости — и все забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;

И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, —
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

1886

* * *

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, —
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, —
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
Мне дыхание скажет, где ты.

1887

Угасшим звездам

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуют, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха, —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вдоха!

1890

Н.П. Огарев
(1813—1877)

* * *

Тот жалок, кто под молотом судьбы
Поник — испуганный — без боя;
Достойный муж выходит из борьбы
В сиянии гордого покоя,
И вновь живет — главы не преклоня —
Исполнен вдохновенной пищей;
Так золото выходит из огня
И полновеснее, и чище.

1855 (?)

Scherzo

Зорька где-то догорела,
Глушь лесная потемнела,
Ночь таинственно нисходит...
Леший путника заводит.
Ау, ау, ау!

Сквозь деревья месяц блещет,
Лист серебряный трепещет,
Свет и тень по лесу бродит...
Леший путника заводит.
Ау, ау, ау!

1863—1864

Я.П. Полонский
(1819—1898)

* * *

О, скажи, Диамея, тебе ли самой
Иль тому божеству, что гордится тобой

Как созданием, я должен из мрамора храм
Вознести на холме и зажечь фимиам!

1840—1843

* * *

Жизнь движется вперед походкою неровной;
Ее намеренья ужели ты постиг!
Чтоб высказать себя, жизнь ловит миг условный;
Ужели от тебя зависит этот миг?

Жизнь, терпеливая, привыкла к испытаньям —
Не ведает конца и не спешит к концу.
Поэт! Не верь ее тоскливым ожиданиям
И верь с трудом веселому лицу.

1853

В альбом К.Ш. ...

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

1871

А.Н. Майков (1821—1897)

Октава

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:

У берега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

Дума

Жизнь без тревог — прекрасный, светлый день;
Тревожная — весны младья грозы.
Там — солнца луч, и в зной оливы сень,
А здесь — и гром, и молния, и слезы...
О! дайте мне весь блеск весенних гроз
И горечь слез и сладость слез!

1841

* * *

О чем в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чем при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветренный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчаньи
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

1841

Марциал

Если ты хочешь прожить безмятежно, безбурно,
Горечи жизни не зная до старости поздней, —

Друга себе не ищи и ничьим не зови себя другом:
Меньше ты радостей вкусишь, меньше и горя!

1842

* * *

Люблю, если, тихо к плечу моему головой
 прислонившись,
С любовью ты смотришь, как, очи потупив,
 я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно, проникнут
 тобою,
Я очи к тебе обращаю и с твоими встречаюсь
 очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как будто бы
 в сладком молчаньи
Мы мыслью сошлись и много сказали улыбкой и
 взором.

1842

* * *

Еще я полн, о друг мой милый,
Твоим явленьем, полн тобой!..
Как будто ангел легкокрылый
Слетал беседовать со мной, —
И, проводив его в преддверье
Святых небес, я без него
Сбираю выпавшие перья
Из крыльев радужных его...

1852

* * *

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,

И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Летний дождь

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

* * *

Когда гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души, —
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

* * *

Вот бедная чья-то могила
Цветами, травой зарастает;

Под розами даже не видно,
Чье имя плита возглашает...

О, бедный! И в сердце у милой
О жизни мечты золотые
Не так же ль, как розы, закрыли
Когда-то черты дорогие?

1857

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как, февраль, не злися,
Как ты, март, не хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Всё весною пахнет!

1858

Еще из народной песни

Не хочу я смерти ждать,
Ждать до старости постылой,
Умирать — так умирать
От ножа, в глазах у милой!
Станет вдруг она тогда
Говорить — о чем молчала,
Целовать — как никогда
До того не целовала!

1858—1859

* * *

Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,

Что старцы древние на вече пред толпами,
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мне тайны их бесед...
Ах, жаль, что подле них тут резвой речки нет:
Она б давно сказала мне их думу...

1870

Рассвет

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — все черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...

1870

* * *

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

1878

Платона единственные два стиха, до нас дошедшие

Небом желал бы я быть, звездным, всевидящим
небом,
Чтобы тебя созерцать всеми очами его!

1883

Пустынник

И ангел мне сказал: иди, оставь их грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампы,
Тебе поверенный, до срока убережешь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б чем свои светильники возжечь.

(?)

* * *

Вдохновенье — дуновенье
Духа Божья!.. Пронеслось —
И бессмертного творенья
Семя бросило в хаос.

Вмиг поэт душой воспрянет
И подхватит на лету,
Отольет и отчеканит
В медном образе — мечту!

1889

На пути по берегу Коринфского залива

Всё время — реки без воды,
Без зелени долины,
С хрустящим камешком сады
И тощие маслины;
Зато — лазурный пояс вод,
И розовые горы,
И беспредельный неба свод,

Где ищет взор и не найдет
Хоть в легком облачке опоры!..

1890

И.С. Тургенев
(1818—1883)

* * *

Осенний вечер... Небо ясно,
А роща вся обнажена —
Ищу глазами я напрасно:
Нигде забытого листа
Нет — по песку аллей широких
Все улеглись и тихо спят,
Как в сердце грустном дней далеких
Безмолвно спит печальный ряд.

1842

Н.А. Некрасов
(1821—1878)

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...

И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848

Прощанье

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости»,
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы, —
С могилы сердца моего!

1856

Прости

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

1856

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,

А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

1858

* * *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрим словцом.

1860

* * *

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.

Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи!..

1868

Друзьям

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую муку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

1876—1877

* * *

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров.
Я взываю к русскому народу:
 Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду,
 Или мертвой в меру дай.

1877

* * *

Любовь и Труд — под грудями развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты стоишь — бездействен и печален
И медленно сгораешь от стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

1877

А.К. Толстой **(1817—1875)**

* * *

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

1850 или 1851

* * *

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

1856

* * *

Смеркалось — жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час.

1856

* * *

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя, —
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам —
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

1856

* * *

Сердце, сильней разгораясь от году до году,
Брошено в светскую жизнь, как в студеную воду.

В ней, как железо в раскале, оно закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною недоброе дело!
Буду кипеть, негодуя, тоской и печалью —
Все же не стану блестящей холодной сталью.

1856

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

1856

* * *

Грядой клубится белою
Над озером туман;
Тоскою добрый молодец
И горем обуян.

Не дóвеку белеется
Туманная гряда,
Рассеется, развеется,
А горе никогда!

1857

* * *

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,
Красуясь, идет нарядная весна...
Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.

Как праздничный мне лик весны теперь несносен!
Как грустен без тебя дерев зеленых вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпя желтый лист, нас вновь соединит!

1857 (?)

* * *

Что ни день, как поломя со влагой,
Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в тумане
Золотой узор на темной ткани.

1858

* * *

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

1858

* * *

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят,

Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

1858

* * *

Не пенится море, не плещет волна,
Деревья листьями не двинут,
На глади прозрачной царит тишина,
Как в зеркале мир опрокинут.

Сижу я на камне, висят облака,
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
Сродни ей спокойное море.

1858

* * *

Есть много звуков в сердца глубине,
Неясных дум, непетых песней много;
Но заглушает вечно их во мне
Забот немолчных скучная тревога.

Тяжел ее непрошенный напор,
Издавна сердце с жизнью боролось —
Но жизнь шумит, как вихорь ломит бор,
Как ропот струй, так шепчет сердца голос.

1859

О, если б ты могла хоть на единый миг
Забывать свою печаль, забыть свои невзгоды,
О, если бы хоть раз я твой увидел лик,
Каким я знал его в счастливейшие годы!

Когда в твоих глазах засветится слеза,
О, если б эта грусть могла пройти порывом,
Как в теплую весну пролетная гроза,
Как тень от облаков, бегущая по нивам!

1859

* * *

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

1862

Н.А. Добролюбов **(1836—1861)**

* * *

С тобой, мечтатель мой, я понял, наконец,
Источник моего душевного страданья:

То праведная казнь нелюбящих сердец —
Бессилие мечты, бессилие желанья.

1861

* * *

Милый друг, я умираю,
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен.

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благославляю:
Шествуй тою же стезею.

1861

В.С. Соловьев **(1853—1900)**

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Преодо мною царица моя,—
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

1875

С.Я. Надсон
(1862—1887)

Музе

Долой с чела венец лавровый, —
Сорви и брось его к ногам:
Терн обагренный, терн суровый
Один идет к твоим чертам...
Оставь же лавр мечу...

1880

* * *

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий
Мир, погрязший в грязи и крови...
Верь в великую силу любви!..

1884

* * *

Не говорите мне: он умер — Он живет!
Пусть жертвенник разбит, — огонь еще пылает.
Пусть роза сорвана, — она еще цветет,
Путь арфа сломана, — аккорд еще рыдает!..

1886

И.А. Бунин
(1870—1953)

* * *

Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.

Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листве лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум!

1889

Родина

Под небом мертвено-свинцовым
Угрюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Один туман молочно-синий,
Как чья-то кроткая печаль,
Над этой снежною пустыней
Смягчает сумрачную даль.

1896

* * *

Как светла, как нарядна весна!
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О, молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, —
Я опять одинок!

1899

Лес шумит невнятным, ровным шумом...
Лепет листьев клонит в сон и лень...
Петухи в далекой караулке
Распевают про весенний день.

Лес шумит невнятным, тихим шумом...
Хорошо и беззаботно мне
На траве, среди берез зеленых,
В тихой и безвестной стороне!

1900

* * *

Ночь печальна, как мечты мои.
Далеко в глухой степи широкой
Огонек мерцает одинокий...
В сердце много грусти и любви.

Но кому и как расскажешь ты,
Что зовет тебя, чем сердце полно!
— Путь далек, глухая степь безмолвна.
Ночь печальна, как мои мечты.

1900

* * *

Зеленый цвет морской воды
Сквозит в стеклянном небосклоне,
Алмаз предутренней звезды
Блестит в его прозрачном лоне.

И, как ребенок после сна,
Дрожит звезда в огне денницы,

А ветер дует ей в ресницы,
Чтоб не закрыла их она.

1901

* * *

Облака, как призраки развалин,
Встали на заре из-за долин.
Теплый вечер темен и печален,
В темном доме я совсем один.

Слабым звоном люстра отвечает
На шаги по комнате пустой...
А вдали заря зарю встречает,
Ночь зовет бессмертной красотой.

1901

* * *

Спокойный взор, подобный взору лани,
И все, что в нем так нежно я любил,
Я до сих пор в печали не забыл,
Но образ твой теперь уже в тумане.

А будут дни — угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

1901

* * *

Проснулся я внезапно, без причины.
Мне снилось что-то грустное — и вдруг

Проснулся я. Сквозь голые осины
В окно глядел туманный лунный круг.

Усадьба по-осеннему молчала.
Весь дом был мертв в полночной тишине,
И, как ребенок брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумне.

1903

В горах

Катится диском золотым
Луна в провалы черной тучи,
И тает в ней, и льет сквозь дым
Свой блеск на каменные кручи.

Но погляди на небосклон:
Луна стоит, а дым мелькает...
Не время в вечность убегает,
А нашей жизни бледный сон!

1903—1904

* * *

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый...
Смиренные, родимые черты!

1905

Тропами потаенными

Тропами потаенными, глухими,
В лесные чащи сумерки идут.
Засыпанные листьями сухими,
Леса молчат — осенней ночи ждут.

Вот крикнул сыч в пустынном буераке...
Вот темный лист свалился, чуть шурша...
Ночь близится: уж реет в полумраке
Ее немая, скорбная душа.

1903—1904

Апрель

Туманный серп, неясный полумрак,
Свинцово-тусклый блеск железной крыши,
Шум мельницы, далекий лай собак,
Таинственный зигзаг летучей мыши.

А в старом палисаднике темно,
Свежо и сладко пахнет можжевельник,
И сонно, сонно светится сквозь ельник
Серпа зеленоватое пятно.

1903—1906

Трясина

Болото тихой северной страны
В осенних сумерках таинственной погоста.
Цветут цветы. Мы не пойдем их роста
Из заповедных недр, из сонной глубины.
Порой, грустя, мы вспоминаем что-то...

Но что? Мы и земле и Богу далеки...
В гробах трясин родятся огоньки...
Во тьме родится свет...
Мы — огоньки болота.

1906—1907

Завет Саади

Будь щедрым, как пальма.
А если не можешь, то будь
Стволом кипариса,
Прямым и простым — благородным.

1913

Молодость

В сухом лесу стреляет длинный кнут,
В кустарнике трещат коровы,
И синие подснежники цветут,
И под ногами лист шуршит дубовый.

И ходят дождевые облака,
И свежим ветром в сером поле дует,
И сердце в тайной радости тоскует,
Что жизнь, как степь, пуста и велика.

1916

* * *

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?

Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о Господи, над миром
Ты бытие мое вознес?

1917

Канарейка

На родине она зеленая...

Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

1921

Ф.К. Сологуб **(1863—1927)**

* * *

Влачу бесцветное житье
Так равнодушно, так лениво.
Мировоззрение мое
Зато упростилось на диво:
Пока живется, надо жить,
Как надо спать, доколе спится,

А надоест тоску сносить —
Так можно удавиться.

1889

* * *

Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

1891

* * *

Лампа моя равнодушно мне светит,
Брошено скучное дело,
Песня еще не созрела, —
Что же тревоге сердечной ответит?

Белая штора висит без движенья.
Чьи-то шаги за стеною.
Эти больные томленья —
Перед бедою!

1884

* * *

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

1896

* * *

Никого и ни в чем не стыжусь, —
Я один, безнадежно один,
Для чего ж я стыдливо замкнусь
В тишину полуночных долин?

Небеса и земля — это я,
Непонятен и чужд я себе,
Но великой красой бытия
В роковой побеждаю борьбе.

1896

* * *

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска,
В долинах — бледная усталость,
На небе — злые облака.

Не видно счастья голубого,
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.

1902

Д.С. Мережковский **(1866—1941)**

* * *

Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится,
И я смотрю на мир с проклятием в устах, —

В душе безумное веселье загорится,
Как отблеск молнии в свинцовых облаках:

Так звонкий ключ из недр подземного гранита,
Внезапно вырвавшись, от счастья дрожит, —
И сразу в этот миг неволя позабыта,
И в буйной радости он блещет и гремит.

1887

* * *

Синеет море слишком ярко
И в глубине чужих долин
Под зимним солнцем рдеет жарко
Благоуханный апельсин.

Но целомудренны и жалки,
Вы сердцу чуткому милей,
О безуханные фиалки
Родимых северных полей!

1897

З.Н. Гиппиус (1869—1945)

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я — раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

В гостиной

Серая комната. Речи не спешные,
Даже не страшные, даже не грешные.
Не умиленные, не оскорбленные,
Мертвые люди, собой утомленные...
Я им подражаю. Никого не люблю.
Ничего не знаю. Я тихо сплю.

(?)

Горное

Освещена последняя сосна.
Под нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченный — не повторится.

День кончился. Что было в нем?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днем.
А все-таки — не повторится.

(?)

Сложности

К простоте возвращаться — зачем?
Зачем — я знаю, положим.

Но дано возвращаться не всем.
Такие, как я, не можем.

Сквозь колючий кустарник иду,
Он цепок, мне не пробиться...
Но пускай упаду,
До второй простоты не дойду,
Назад — нельзя возвратиться.

(?)

В.Я. Брюсов
(1873—1924)

* * *

Холод ночи; смерзлись лужи;
Белый снег запорошил.
Но в дыханьи злобной стужи
Чую волю вешних сил.

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

1896

* * *

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в безбрежном просторе.

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы, —
Что́ перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды!

1896

* * *

Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгин,
И детский взор, — он мне напомнил
Глаза египетских богинь.

Нет, я не знаю жизни смутной:
Горят огни, шумит толпа, —
В моих мечтах — твои минуты:
Твои мемфисские глаза.

1897

Мы

В мире широком, в мире шумящем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.

Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом, —
Мы — гребень встающей волны.

1899

* * *

Давно ушел я в мир, где думы,
Давно познал нездешний свет.

Мне странны красочные шумы,
Страстям — в душе ответа нет.

Могу я медлить миг мгновенный,
Но ввысь иду одной тропой.
Кто мне шепнул о жизни пленной?
— Моя звезда! я только твой.

1900

По поводу сборников
«Русские символисты»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далёко первая ступень.
Пять беглых лет — как пять столетий.

1900

* * *

Будущее!
Интереснейший из романов!
Книга, что мне не дано прочитать!
Край, прикрытый прослойкой туманов!
Храм, чья стройка едва начата!

1922

**А.А. Блок
(1880—1921)**

* * *

Между страданиями земными
Одна земная благодать:

Живя заботами чужими,
Своих не видеть и не знать.

1899

* * *

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Все кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

1900

* * *

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

1900

* * *

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущею могилой

Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.

И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю — не случайно
Сбывались вещие слова.

1901

* * *

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туман.
Вечереющий сумрак над нами
Обратился в желанный обман.
Над твоей голубою дорогой
Протянулась зловещая мгла.
Но с глубокою верою в Бога
Мне и темная церковь светла.

1901

* * *

Ты далека, как прежде, так и ныне,
Мне не найти родные берега.
Моя печаль чужда твоей святыне,
И радостью душа не дорога.

Суровый клад — твоя святая сила:
Безбожный жар нейдет святым местам.
Пускай любви — забвенье и могила,
Ты над могилой — лучезарный храм.

1901

* * *

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.

Меркли дни — порывы исступлений
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, — а в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне...

1901

* * *

Будет день — и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безлика,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но, во что обратишься, — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,

А уж Там веселятся победою
Над единой и страшной душой.

1901

* * *

Глушь родного леса,
Желтые листья.
Яркая завеса
Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память все жива.

1901

* * *

Грустно и тихо у берега сонного
Лодка плывет — ты дремли.
Я расскажу про мечты, озаренные
Прежнею лаской земли.
Только остались у берега сонного
Утлые в лодке мечты.
В этих мечтах — навсегда отдаленная,
Ты, лучезарная, ты...

1901

* * *

И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры.

1902

* * *

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез...
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

1902

* * *

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе

Могла исчерпать и избыть
Все мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

1902

* * *

Тебя я встречу где-то в мире,
За далью каменных дорог.
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу Бог.

1902

* * *

Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

1902

* * *

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,

Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: Живи...
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

1903

* * *

В темной комнате ты обещена,
Светлой улице ты предана,
Ты идешь, красивая женщина,
Ты пьяна!

Шлейф ползет за тобой и треплется,
Как змея, умирая в пыли...
Видишь ты: в нем жизнь еще теплится!
Запыли!

1907

* * *

Меня пытали в старой вере.
В кровавый просвет колеса
Гляжу на вас. Что взяли, звери?
Что встали дыбом волоса?

Глаза уж не глядят — клоками
Кровавой кожи я покрыт.
Но за ослепшими глазами
На вас иное поглядит.

1907

* * *

Часовая стрелка близится к полночи,
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым Годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

1908

* * *

Вот он, ветер,
Звонящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот что ты мне сулила:
Могилы.

1908

* * *

Благоуханных дней теченье
Сменяют тяжкие года,
Но этих прошлых дней значенье
Неизгладимо никогда...

Пускай зима снега покоит
На омертвевших лепестках, —
Мечта пророчески откроет.
И в зимний день — цветистый прах.

1901, 1908

Кольцо существования тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что все мы рабски повторим.

И мне, как всем, все тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

1909

Флоренция

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

1909

5

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

1909

Под зноем флорентийской лени
 Еще беднее чувством ты:
 Молчат церковные ступени,
 Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства;
 Храни хоть творческую ложь:
 Лишь в легком челноке искусства
 От скуки жизни уплывешь.

1909

* * *

С мирным счастьем покончены счеты,
 Не дразни, запоздалый уют.
 Всюду эти щемящие ноты
 Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
 Да, я в это поверил с тех пор,
 Как пропел мне сиреной влюбленной
 Тот, сквозь ночь пролетевший мотор.

1910

* * *

Седые сумерки легли
 Весной на город бледный.
 Автомобиль пропел вдали
 В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
 К стеклу прижавшись плотно...

Глядись, ты изменил давно.
Бесповоротно.

1910

* * *

Там человек сгорел.
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворятся непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

1910

* * *

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

1912

* * *

Порою вновь к твоим ногам
Меня влечет души смиренье.

Я с благодарностью отдам
Избыток властного презренья.

Не доверяйся страстным снам:
Пройдет короткое мгновенье —
Я с новой силою воздам
И власть, и должное презренья.

1900, 1914

* * *

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

1914

* * *

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал,
В открытое для счастья сердце.

— Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..
— Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, все равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!

1914

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...
Что было любимо — все мимо, мимо...
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!

1914

* * *

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны.

Вперяясь в сумрак ночи хладной,
В нем прозревать огонь и свет, —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью, поэт!

1900, 1914

* * *

Уже бледнеет день прощальный.
Ты эту ночь мне подари.
Услышишь мой рассказ печальный.
Внимай ему и жди зари.

Заря в твои заглянет очи,
И ты поймешь в ее огне,
Что в эти дни, что в эти ночи
В твоей душе открылось мне.

1900, 1915

* * *

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, Господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Дыханием живящей бури
Дохни в удушливой глуши,
На вечереющей лазури,
Для вечереющей души.

1900, 1915

* * *

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...

Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

1899, 1918

И.Ф. Анненский **(1855—1909)**

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...

Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

Параллели

1

Под грозные речи небес
Рыдают косматые волны,
А в чаще, презрения полный,
Хохочет над бурей лес.

Но утро зажжет небеса,
Волна золотится и плещет,
А в чаще холодной роса
Слезой завистливой блещет.

2

Золотя заката розы,
Клонит солнце лик усталый,
И глядятся туберозы
В позлащенные кристаллы.

Но не надо сердцу алых, —
Сердце просит роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах

1901

Весенний романс

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит.

Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...

1902

* * *

Для чего, когда сны изменили,
Так полны обольщений слова?
Для чего на забытой могиле
Зеленей и шумнее трава?

Для чего эти лунные выси,
Если сад мой и темен и нем?..
Завитки ее кос развилися,
Я дыханье их слышу... зачем?

1902

Идеал

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,

И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,

Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

(?)

?

Пусть для ваших открытых сердец
До сих пор это — светлая фея
С упоительной лирой Орфея,
Для меня это — старый мудрец.

По лицу его тяжело проходит
Бороздой Вековая Мечта,
И для мира немые уста
Только бледной улыбкой поводит.

(?)

Аромат лилеи мне тяжел

Аромат лилеи мне тяжел,
Потому что в нем таятся тленье,
Лучше смол дыханье, синих смол,
Только пить его без разделенья...

Оттолкнув соблазны красоты,
Я влюблюсь в ее миражи в дыме...
И огней нетленные цветы
Я один увижу голубыми...

(?)

Две любви

С.В. ф.-Штейн

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,

Дай ей волю — и ее не станет...
Быть как дым — но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит — тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

(?)

Ich grolle nicht¹

Я все простил: простить достало сил,
Ты больше не моя, но я простил.
Он для других, алмазный этот свет,
В твоей душе ни точки светлой нет.

Не возражай! Я был с тобой во сне;
Там ночь росла в сердечной глубине,
И жадный змей все к сердцу припадал...
Ты мучишься... я знаю... я видал...

(?)

* * *

Над высью горной
 Тишь.
В листве, уж черной,
 Не ощутишь
 Ни дуновенья.
В чаще затих полет...
О, подожди!.. Мгновенье —
Тишь и тебя... возьмет.

(?)

¹ Я не сержусь (нем.).

Только мыслей и слов
Постигая красу, —
Жить в сосновом лесу
Между красных стволов.

Быть как он, быть как все:
И любить, и сгорать...
Жить, но в чуткой красе,
Где листьям умирать.

(?)

К портрету Достоевского

В нем Совесть сделалась пророком и поэтом,
И Карамазовы и бесы жили в нем, —
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнем.

(?)

К.Д. Бальмонт (1867—1942)

Я не знаю мудрости

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.

Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Вас я не зову!

1902

В зареве зорь

С сердцем ли споришь ты? Милая! Милая!
С тем, что певуче и нежно, не спорь.
Сердце я. Греза я. Воля я. Сила я.
Вместе оденемся в зареве зорь.
Вместе мы встретили светы начальные,
Вместе оденемся в черный покров.
Но не печальные — будем зеркальные
В зареве зорном мерцающих снов.

1910

В.И. Иванов (1866—1949)

Озимь

Как осенью ненастной тлеет
Святая озимь, — тайно дух
Над черною могилой реет,
И только душ легчайший слух

Незадрожавший трепет ловит
Меж косных глыб, — так Русь моя
Немотной смерти прекословит
Глухим зачатьем бытия...

1904

Культ Немезиды

Нравам света служит совесть,
Лишь условно чтима честь;
Но одна святыня есть:
Об отчизне падшей повесть,
За отчизну гнев и месть!
Все заветы лживы, спорны:
Святы лишь отчизны терны!

1890—1891

Умер Блок

В глухой стене проломанная дверь,
И груды развороченных камней,
И брошенный на них железный лом,
И глубина, разверзтая за ней,
И белый прах, развеянный кругом, —
Всё — голос Бога: «Воскресенью верь».

1921

Н.С. Гумилев (1886—1921)

* * *

Мрачный всадник примчался на черном коне,
Он закутан был в бархатный плащ,
Его взор был ужасен, как город в огне,
И как молния ночью, блестящ.

Его кудри как змеи вились по плечам,
Его голос был песней огня и земли,

Он балладу пропел молодым королям,
И балладе внимали, смутясь, короли.

1905

Это было не раз

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи — окрашены кровью.

1910

Молитва

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

1910

Телефон

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —

Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

1915—1917

Природа

Спокойно маленькое озеро,
Как чаша, полная водой.

Бамбук совсем похож на хижины,
Деревья — словно море крыш.

А скалы острые, как пагоды,
Возносятся среди цветов.

Мне думать весело, что вечная
Природа учится у нас.

1917

Счастье

Из красного дерева лодка моя,
И флейта моя из яшмы.

Водою выводят пятно на шелку,
Вином — тревогу из сердца.

И если владеешь ты легкой ладьей,
Вином и женщиной милой,

Чего тебе надо еще? Ты во всем
Подобен гениям неба.

1917

Соединение

Луна восходит на ночное небо
И, светлая, покоится влюбленно.

По озеру вечерний ветер бродит,
Целуя осчастливленную воду.

О, как божественно соединенье
Извечно созданного друг для друга!

Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

1917

Предзнаменование

Мы покидали Соутгемптон,
И море было голубым,
Когда же мы пристали к Гавру,
То черным сделалось оно.

Я верю в предзнаменования,
Как верю в утренние сны.
Господь, помилуй наши души:
Большая нам грозит беда.

1917

* * *

Колокольные звоны
И зеленые клены,
И летучие мыши.
И Шекспир и Овидий
Для того, кто их слышит,
Для того, кто их видит, —
Оттого всё на свете
И грустит о поэте.

1920—1921

В.Ф. Ходасевич
(1886—1939)

* * *

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенснэ или ключи.

1922

* * *

Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.

Вечером лампу зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Чтоб ни случилось, на суше, на море
Или на небе, — мне вспомнишься ты.
1922

Март

Размякло, и раскисло, и размокло.
От сырости так тяжело вздохнуть.
Мы в тротуары смотримся, как в стекла,
Мы смотрим в небо — в небе дождь и муть...

Не чудно ли? В затоптанном и низком
Свой горний лик мы нынче обрели,
А там, на небе, близком, слишком близком,
Всё только то, что есть и у земли.

1922

Себе

Не жди, не уповай, не верь:
Всё то же будет, что теперь.
Глаза усталые смежи,
В стихах, пожалуй, ворожи,
Но помни, что придет пора —
И шею брей для топора.

1923

* * *

Вот повесть. Мне она предстала
Отчетливо и ясно вся,
Пока в моей руке лежала
Рука послушная твоя.

1922

Кто счастлив честною женой,
К блуднице в дверь не постучится.
Кто прав последней правотой,
За справедливостью пустой
Тому невместно волочиться.

1925—1926

Игорь Северянин (1887—1941)

Поэза «Villa Mon Repos»

Мясо наелось мяса, мясо наелось спаржи,
Мясо наелось рыбы и налилось вином.
И, расплатившись с мясом, в полумясном экипаже
Вдруг покатило к мясу в шляпе с большим пером.

Мясо ласкало мясо, и отдавалось мясу,
И сотворяло мясо по прописям земным.
Мясо болело, гнило и превращалось в массу
Смрадного разложения, свойственного мясным.

1921

Странно...

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

(?)

Что нужно знать

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить —
Россию нужно заслужить!

1925

Не более чем сон

Мне удивительный вчера приснился сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока.
Лошадка тихо шла. Шуршало колесо.
И слезы капали. И вился русый локон.

И больше ничего мой сон не содержал...
Но, потрясенный им, взволнованный глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно дрожа,
О странной девушке, не позабывшей Блока...

1927

В.В. Хлебников **(1885—1922)**

Кузнечик

Крылышкуя золотиписьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
Пинь, пинь, пинь! — тарарахнул зинзивер.

О, лебедиво!
О, озари!

1907—1908

* * *

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

1911

Числа

Я всматриваюсь в вас, о числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете — единство между змееобразным
движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого
хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы.
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

1913

А.А. Ахматова (1889—1966)

Он любил...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,

Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

1910

* * *

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

1911

* * *

Смутный отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный томик Парни.

1911

* * *

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.

Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

* * *

Твой белый дом и тихий сад оставляю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю.

1913

* * *

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.

Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.
Преодо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

1913

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

1913

* * *

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

1915

* * *

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.

И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

1915

Майский снег

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

1916

* * *

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

1916

* * *

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная и милосердьё Бога.

1916

* * *

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна, —
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.

1917

* * *

В каждых сутках есть такой
Смутный и тревожный час:
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз.
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.

1917

* * *

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

1921

* * *

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

1921

* * *

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.

Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

1921

Предсказание

Видел я тот венец златокованный...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный,
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновой
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что росой багровою
Он изнеженный лоб освежит.

1922

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав, —
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных —
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

1922

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

Двустиишие

От других мне хвала — что зола.
От тебя и хула — похвала.

1931

Последний тост

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,

За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью,—
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

1934

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

1941

* * *

Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама,
Если ты радость — то радость такой не бывает.

1942

Пушкин

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

1943

Распятие

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1943

* * *

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

1944

* * *

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

1956

* * *

Что нам разлука? — Лихая забава,
Беды скучают без нас,
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час.
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать.

1959

Последняя роза

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

1962

* * *

Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит...

Решка

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

1963

* * *

Любовь всех раньше станет смертным прахом.
Смирится гордость, и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом,
Почти что невозможно перенести.

(?)

* * *

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.

Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.

(?)

О.Э. Мандельштам (1891—1938)

* * *

Летают валькирии, поют смычки,
Громоздкая опера к концу идет,
С тяжелыми шубами гайдуки
На мраморных лестницах ждут господ.

Уж занавес наглухо упасть готов;
Еще рукоплещет в райке глупец,
Извозчики пляшут вокруг костров.
Карету такого-то! Разъезд. Конец.

1914

* * *

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера.
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:
Уже с утра покой и трудные длинноты;
Волы на пастбище, и золотая лень
Из тростника извлечь богатство целой ноты.

1914

Как овцы, жалкою толпой
Бежали старцы Еврипида.
Иду змеиною тропой,
И в сердце темная обида.

Но этот час уж недалек:
Я отряхну мои печали,
Как мальчик вечером песок
Вытряхивает из сандалий.

1914

* * *

Шестого чувства крошечный придаток
Иль ящерицы теменной глазок,
Монастыри улиток и створчаток,
Мерцающих ресничек говорок.

Недостижимое, как это близко:
Ни развязать нельзя, ни посмотреть,
Как будто в руку вложена записка —
И на нее немедленно ответь.

1932

* * *

Когда, уничтожив набросок,
Ты держишь прилежно в уме
Период без тягостных сносок,
Единый во внутренней тьме,

И он лишь на собственной тяге,
Зажмурившись, держится сам,

Он так же отнесся к бумаге,
Как купол к пустым небесам.

1933

* * *

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

1935

* * *

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоем ободу
Черно-красном — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

1937

* * *

Как женственное серебро горит,
Что с окисью и примесью боролось,
И тихая работа серебрит
Железный плут и песнотворца голос.

1937

С.А. Есенин
(1895—1925)

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

1925

* * *

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

1925

Не криви улыбку, руки теребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

1925

* * *

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

1925

* * *

Ах, метель такая, просто черт возьми!
Забивает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутевым сердцем я прибит к тебе.

1925

* * *

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

1925

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

1925

В.В. Маяковский **(1893—1930)**

Порт

Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы — как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.

В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

1912

А вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

Исчерпывающая картина весны

Листочки.
После строчек лис —
точки.

1913

Кое-что про Петербург

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.

И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

1916

* * *

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле — деревья,
Это бродят золотым вином — грозди,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

1917

* * *

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

1917

Благословляю ежедневный труд.
Благословляю еженощный сон.
Господню милость — и Господень суд,
Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр...
И пыльный посох свой, где все лучи!
Еще, Господь, благословляю — мир
В чужом дому — и хлеб в чужой печи.

1918

* * *

Умирая, не скажу: *была*.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, — крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья —
Я тебе повелеваю: — будь!
Я — не выйду из повиновенья.

1918

* * *

Я — страница твоему перу.
Все приму. Я — белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.

Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага!

1918

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца — неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

1918

* * *

Восхищенной и восхищенной,
Сны видящей среди бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

1920

* * *

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

А впрочем — что ж, коли не лень!
Но, всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь — белей тебя!

1920

* * *

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской,
Через край — и мимо —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

1936

Э.Г. Багрицкий **(1895—1934)**

* * *

О Полдень, ты идешь в мучительной тоске
Благословить огнем те берега пустые,
Где лодки белые и сети золотые
Лениво светятся на солнечном песке.

Но в синих сумерках ты душен и тяжел —
За голубую соль уходишь дымной глыбой,
Чтоб ветер, пахнувший смолой и свежей рыбой,
Ладонью влажную по берегу провел.

1916

Движеньем несмелым

Движеньем несмелым
Ночь кутает комнату пряжей,
В окне потускнелом
Мелькают огни экипажей...

И вот из-под стали
Змеею излиться готово
В бумажные дали
Внезапно расцветшее слово.

1916

Н.Н. Асеев (1889—1963)

* * *

Над морем
наклонилась туча,
синя, сурова и сверкуча;
но я ее дыханьем сдую,
сырую, серую, седую.

На сердце
навалилась злоба
тупа, угрюма, низколоба;
но я ее глухую ношу
биеньем сердца
с сердца сброшу.

1954

* * *

Мы здесь жили
в сообществе ласточек,
муравьев и пчел;
их,
трепещущих, блещущих, пляшущих,
я числа не счел...

И «павлиньего глаза» пыланье,
изумрудных стрекоз слюда
пробуждают в нас вновь желанье
возвратиться сюда.

1954

* * *

Стихи мои из мяты и полыни
полны степной прохлады и теплыни.
Полынь горька, а мята горе лечит;
игра в тепло и в холод — в чет и нечет.

Не человек игру ту выбирает —
вселенная сама в нее играет.
Мои стихи — они того же рода,
как времена круговращенья года.

1956

Б.Л. Пастернак **(1890—1960)**

Весна

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

1918

Бессонница

Который час? Темно. Наверно, третий.
Опять мне, видно, глаз сомкнуть не суждено.
Пастух в поселке щелкнет плетью на рассвете.
Потянет холодом в окно,
Которое во двор обращено.

А я один.
Неправда, ты
Всей белизны своей сквозной волной
Со мной.

1953

Л.Н. Мартынов (1905—1980)

Суббота

Суббота бегала на босу ногу,
Чтоб не стоптать воскресных каблучков,
Кой-кто еще хотел молиться Богу
И делал книгу целью для очков.

Но вообще рождалось опасенье
У всех, кто бросил думать о труде,
Что будет жарким это Воскресенье
И даже пламень грянет кое-где!

1919

Агасфер

Темные разъезды поезд пробежит.
Мост над Ахероном весь задрезжит.

От водоворотов по реке воронки.
Паника в вагонах, первые припадки...
Только этот дядя от всего в сторонке,
Курит и смеется, стоя на площадке.
Это — Агасфер.

1926

Зеленый луч

Освобожденное от туч,
Все небо розово и звездно.
Я увидал зеленый луч.
Ищи и ты. Еще не поздно!

1927

* * *

В промежутках
Между штормами
Воды кажутся покорными.

В промежутках
Между войнами
Очень трудно быть спокойными.

1939

Спор

— Искусство — это подвиг! —
Я убеждал сестру. —
Искусство — это подвиг! —
Она в ответ:
— Умру!

— Нет, не умрешь! Ты сильной, —
Сказал я, — быть должна! —
А день был душный, пыльный...
Крутые времена!

1944

* * *

От печки
Я оттер бы Гоголя.
«Свои творения губя, —
Я крикнул бы ему, — не много ли
Берете, сударь, на себя?!»
И, может быть, хоть пачку листиков
Я выхватил бы из огня,
Чтоб он послушался не мистиков
И не аскетов,
А меня!

1945

* * *

На черном
Красные слова
Ты показала мне в метро:
«Нет выхода».
Ты не права!
Стоит вопрос не столь остро.
Нет выхода?
Нет! Выход есть —
Его указывает честь,
Его диктует наша страсть.
Есть выход! Не поглотит пасть!

1947

С осторожностью птицелова
Я ловлю крылатое слово,
А потом отпускаю на волю
И его покупать никого не неволю,
Да его продавать ведь никто и не волен,
Чем я очень и очень доволен!

1947

* * *

Из смиренья не пишутся стихотворенья,
И нельзя их писать ни на чье усмотренье.
Говорят, что их можно писать из презренья.
Нет!
Диктует их только прозренье.

1948

Пиретрум

Всю страсть, которая имелась,
И всех своих желаний зрелость —
Он отдал вам. А где их целость?
Вы точно черная монашка.
Так черноморская ромашка
Качается под знойным ветром,
А получается
Пиретрум!

1948

* * *

И вскользь мне бросила змея:
«У каждого судьба своя!»

Но я-то знал, что так нельзя —
Жить, извиваясь и скользя.

1949

Солнце и художник

«Как ты любишь писать мой закат,
Где лучи, умирая, горят
На головках у лилий болотных!
Мой закат тебе мил. Не смей!
Хоронить ты меня не спеши.
Я прошу: на холодных полотнах
Вялой кистью меня не пиши,
Неспособный меня осязай!»

Я — не то, что ты хочешь сказать!»

1949

* * *

Вечерело...
Луч закатный,
Удлиняясь мало-мальски,
Прямо в город необъятный
Глянул смутно, по-февральски.
Потеплел он
И смягчился,
Перестал на все коситься.
Наконец-то научился
К людям лучше относиться.

1954

Вьюги

Бывают такие весенние вьюги,
Когда леденеют трамвайные дуги

И глухо волнуется все меховое,
Как будто живое, как будто живое,
Как будто бы к жизни вернуться охота
Всему, что убито, — от старца енота
До самой последней ничтожной зверюги...
Бывают такие тревожные вьюги!

1955

* * *

Все
Обрело
Первичный вес:
Воскрес
Алмаз,
Лишась оправы,
Лекарства превратились в травы,
Бумага превратилась в лес,
Но только на единый миг,
Чтоб разуму понятно стало,
Как зрело все и возрастало,
Как
Этот самый
Мир
Возник.

1956

* * *

Дело
Было за мной.
И мгновенно покончил я с делом,

И оделся и вышел...
Волна возбужденья прошла.

День
Был бел,
Как пробел
На листе сверхъестественно белом.

Наступила пора
За другие приняться дела!

1956

Время

Быстро несется время,
Будто ночной трамвай.
Вот он летит через темень —
Только не прозевай!

Вот и ушел! Неужели
Больше — ни одного?
Дьявольски тянется время,
Если упустишь его!

1956

Ленинские горы

Лазоревая станция
Меж небом и волной
Без каменного панциря
И пышности лепной,
И без иного прочего,
Что тягостно для глаз...
Твоя настала очередь
Вот именно сейчас!

1959

Невозможно
Жить на белом свете
И кружить лишь по своей орбите,
Не вникая ни во чьи дела,
Будто где-то на иной планете
Погибают женщины и дети
И набат гудят колокола.

Невозможно жить на белом свете,
Не вникая ни во чьи дела!

1959

Круги по воде

Вдруг
Что-то случилось —
Споткнулось неведомо где,
Подпрыгнув, упало,
Как будто томясь, что взлетело,
И вы разбежались,
Как будто круги по воде,
Как будто от камня,
А может быть,
Мертвого тела.

1962

* * *

Я, конечно, тоже недоволен
Очень многим и самим собою,
Как бывает человеческий воин
Недоволен продолженьем боя,
Тем, что надобно еще сражаться,

А не мира диктовать условия...
Очень тяжело распорядиться
И своею
И чужою
Кровью.

1963

Сад Академа

Не Академии фасада,
Возникший много-много позже,
Но Академа вижу сад —
И это не одно и то же:
Там Аристотель ходит.
Он
Твердит, что друг ему Платон,
Но истина еще дороже.

1964

Седьмой десяток

— Трудно на седьмом десятке?
— Да, не очень просто.
Но
Все как будто бы в порядке,
Как и быть оно должно:
Может за две трети века
Затупиться и лемех,
Но живого человека
Не сломить —
Он крепче всех!

1966

Дневники

Не странно ли,
Что дневники
Не днем ведутся, а ночами,
Когда мигают ночники
И ходят тени за плечами,
Напоминая, что от них
Не скроешься и за свечами,
Включив ночник,
Строча дневник,
Графленный лунными лучами!

1966

* * *

Устав
От дрызг
Стальных колес
И рева сопл с небес,
Я радовался:
Удалось
Уединиться в лес.

Но столь роскошно торжество
Безмолвия в лесу,
Что показалось мне:
Его
Я не перенесу!

1967

* * *

Ко мне
Привязывались пьяные,

Желая, чтоб я их задел,
Но в мутные их, оловянные
Глаза спокойно я глядел,
Отмахивался нелюбезно я
От них, как будто от слепней.

Когда привязывались трезвые —
Вот это было пострашней.

1969

* * *

Обыкновенное ненастье,
Но мы тревожимся,
И нам
Повсюду грезятся несчастья
И ужасы по временам.

И все как будто не на месте,
И небосвод столь мглисто сед,
Как будто нам
По сто, по двести,
А многим
И по триста
Лет.

1970

* * *

Со смерти
Все и начинается,
И выясняется тогда,
Кто дружен с кем,
Кто с кем не знается
И кем земля твоя горда.
И все яснее освещается,

Кто — прав, кто — прах,
Кто — раб, кто — знать...
А если смертью все кончается,
То нечего и начинать!

1971

Земная ноша

Пронзят
Меня лучами,
И в свете их огня
Вдруг крылья за плечами
Увидят у меня,
Но не заметят ношу,
Которую тащу
И никогда не сброшу:

Она
Мне
По плечу!

1971

* * *

Есть книги —
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают
Они!

1977

Екатерина

И впрямь
Как будто небывалую

Награду величаво жалуя
Рукою, на которой, тикая,
Не дремлют часики, ты алою
Сама мне кажешься гвоздикую,
О женщина, дитя ты малое,
Екатерина ты
Великая!

(?)

* * *

Из молодца синеокого,
Ярого шутника,
Он превратился в глубокого,
Старого старика.
Мудро глаза его щурились,
Множились ордена.
И безобразницы хмурились,
И улыбалась
Она!

(?)

Н.С. Тихонов **(1896—1979)**

* * *

Тусклый день посеребрил отавы...
Небо стало чище и бледней,
Люди косят и цветы и травы,
Море косит пастбища камней.

Не мечтай, не думай и не числи,
Мир стал глубже, тверже и полней,

Сколько смерть скосила моих мыслей,
Сколько жизнь скосила моих дней...

1914

* * *

Крутили мельниц диких жернова,
Мостили гать, гоняли гурт овечий,
Кусала ноги ржавая трава,
Ломала вьюга мертвой хваткой плечи.

Мы кольца растеряли, не даря,
И песни раскидали по безлюдью,
Над молодостью — медная заря,
Над старостью... Но старости не будет.

1919

* * *

Когда уйду — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнутся пятна,
Ведь тот, что не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

1921

* * *

Я хочу, чтоб в это лето,
В лето, полное угроз,

Синь военного берета
Не коснулась ваших кос.

Чтоб зеленой куртки пламя
Не одело б ваших плеч,
Чтобы друг ваш перед вами
Не посмел бы мертвым лечь.

1940

* * *

Проходят буря, и чума,
И дождь, и даже ночь сама,
И снова утро настает.
Мой добрый друг, не все пройдет.

Деревья, что цвели при нас, —
Они остались про запас.
В другой иль в этой стороне —
Они остались вам и мне.

1940

* * *

Сквозь ночь, и дождь, и ветер, щеки режущий,
Урок суровый на ходу уча,
Уходит лондонец в свое бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча.

В его кармане — холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим.
...Мы свой урок еще на партах учим,
Но снится нам экзамен по ночам!

1940

И.Г. Эренбург
(1891—1967)

* * *

Что седина? Я знаю полдень смерти —
Звонарь блаженный звоном изойдет,
Не раскачнув земли глухого сердца,
И виночерпий чаши не дольет.

Молю, — о ненависть, пребудь на страже!
Среди камней и рубенсовских тел
Пошли и мне неслыханную тяжесть,
Чтоб я второй земли не захотел.

1922

* * *

Ты вспомнил все. Остыла пыль дороги.
А у ноги хлопочут муравьи,
И это — тоже мир, один из многих,
Его не тронут горести твои.
Как разгадать, о чем бормочет воздух?
Зачем закат заночевал в листве?
И если вечером взглянуть на звезды,
Как разыскать себя в густой траве?

1939 или 1940

* * *

Я знаю: будет золотой и долгий,
Как мед густой, непроходимый полдень,
И будут с гирями часы на кухне,
В саду гудеть пчела и сливы пахнуть.

Накроют к ужину, и будет вечер,
Такой же хрупкий и такой же вечный,
И женский плач у гроба не нарушит
Ни чина жизни, ни ее бездушья.

1940

* * *

Они накинулись, неистовы,
Могильным холодом грозя,
Но есть такое слово «выстоять»,
Когда и выстоять нельзя,
И есть душа — она все вытерпит,
И есть земля — она одна,
Большая, добрая, сердитая,
Как кровь, тепла и солена.

1942

* * *

Он пригорюнится, притулится,
Свернет, закурит и вздохнет,
Что есть одна такая улица,
А улицы не назовет.
Врага он встретит у обочины.
А вдруг откажет пулемет,
Он скажет: «Жить кому не хочется», —
И сам с гранатой поползет.

1942

* * *

По рытвинам, среди мусора и пепла,
Корова тащит лес. Она ослепла.
В ее глазах вся наша темнота.
Переменились формы и цвета.

Пойми, мне жаль не слов — слова заменят,
Мне жаль былых высоких заблуждений.
Бывает свет сухих и трезвых дней,
С ним надо жить, он темноты темней.

1943

Д.Б. Кедрин (1907—1945)

Глухота

Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет.
Ее октав железный гром
Мертвец в гробу — и тот услышит!

Но что за уши мне даны?
Оглохший в громе этих схваток,
Из всей симфонии войны
Я слышу только плач солдаток.

1941

Уголек

Минуют дни незаметно,
Идут года не спеша...
Как искра, ждущая ветра,
Незримо тлеет душа.

Когда налетевший ветер
Раздует искру в пожар,

Слепые люди заметят:
Не зря уголек лежал!

1941

* * *

Скинуло кафтан зеленый лето,
Отсвистели жаворонки всласть.
Осень, в шубу желтую одета,
По лесам с метелкою прошлась,
Чтоб вошла рачительной хозяйкой
В снежные лесные терема
Щеголиха в белой разлетаке —
Русская румяная зима!

1942

* * *

Ты говоришь, что наш огонь погас,
Твердишь, что мы состарились с тобою,
Взгляни ж, как блещет небо голубое!
А ведь оно куда старее нас...

1944

Н.А. Заболоцкий (1903—1958)

Движение

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.

А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

1927

* * *

Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.
Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твое отраженье
На душе у меня.

1957

М.А. Светлов
(1903—1964)

Источник

Ловкая, маленькая
Бежит вода —
Куцым источником
Туда-сюда...

А я —
скалою на склоне дня —
Хочу разгадать секрет:
Почему

Этот неодушевленный предмет
Живет быстрее меня?

1929

Смерть

Каждый год и цветет
И отцветает миндаль...
Миллиарды людей
На планете успели истлеть...
Что о мертвых жалеть нам!
Мне мертвых нисколько не жаль!
Пожалейте меня!
Мне еще предстоит умереть!

1929

Перемены

С первого пожатия руки
Как переменялось все на свете!
Обручи катают старики,
Ревматизмом мучаются дети,

По Севану ходят поезда,
В светлый полдень зажигают свечи,
Рыбам опротивела вода,
Я люблю тебя как сумасшедший.

1929

Разлука

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платъице взяла,

С.Я. Маршак
(1887—1964)

Зимний плакат

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

1942

Дом в лесу

Где вплотную, высок и суров,
Подступает к дороге бор, —
Ты увидишь сквозь строй стволов,
Словно в озере, дом и двор.

Так и тянет к себе и зовет
Теплым дымом домашний кров.
Не твоя ли здесь юность живет
За тремя рядами стволов?

1945 (?)

Встреча в пути

Все цветет по дороге. Весна
Настоящим сменяется летом.
Протянула мне лапу сосна
С красноватым чешуйчатым цветом.

Цвет сосновый, смолою дыша,
Был не слишком приманчив для взгляда.

Но сказал я сосне: «Хороша!»
И была она, кажется, рада.

1945 (?)

* * *

Цветная осень — вечер года —
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло.

Весь этот мир — как на ладони,
Но мне обратно не идти.
Еще я с Вами, но в вагоне,
Еще я дома, но в пути.

1945 (?)

* * *

Бремя любви тяжело, если даже несут его двое.
Нашу с тобою любовь нынче несу я один.
Долю мою и твою берегу я ревниво и свято,
Но для кого и зачем — сам я сказать не могу.

1945 (?)

* * *

Под деревом — какая благодать!
Под деревом со всей его листвою,
Готовой каждый миг затрепетать,
Подобно рою птиц над головою,

Под деревом хотел бы я найти
Заслуженный покой в конце пути.

1946 или 1947

Гроза ночью

Мгновенный свет и гром впотьмах —
Как будто дров свалилась гряда...

В грозе, в катящихся громах
Мы любим собственную удадь.

Мы знаем, что таится в нас
Так много радости и гнева,
Как в этом громе, что потряс
Раскатами ночное небо!

1951

* * *

Как лишний вес мешает кораблю,
Так лишние слова вредят герою.
Слова «Я вас люблю» звучат порою
Сильнее слов «Я очень вас люблю».

Перв. пол. 1950-х

* * *

Грянул гром неожиданно, наобум —
Яростный удар и гул протяжный.
А потом пронесся легкий шум,
Торопливый, радостный и влажный.

Дождь шумел негромко, нараспев,
Поливая двор и крышу дома,
Шопотом смиряя буйный гнев
С высоты сорвавшегося грома.

1955

* * *

Колышутся тихо цветы на могиле
От легкой воздушной струи.
И в каждом качанье негнущихся лилий
Я вижу движенья твои.

Порою печальна, подчас безутешна,
Была ты чужда суеты.
И двигалась стройно, неслышно, неспешно,
Как строгие эти цветы.

1958

* * *

В столичном немолкнущем гуде,
Подобном падению вод,
Я слышу, как думают люди,
Идущие взад и вперед.

Проходит народ молчаливый,
Но даже сквозь уличный шум
Я слышу приливы, отливы
Весь мир обнимающих дум.

1958

* * *

Возраст один у меня и у лета,
День ото дня понемногу мы стынем,
Небо могучего синего цвета
Стало за несколько дней бледно-синим.

Все же и я, и земля, мне родная,
Дорого дни уходящие ценим.

Вон и береза, тревоги не зная,
Нежится, греясь под солнцем осенним.

1959

* * *

Люди едят, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи, — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

1960

Бессмертие

Года четыре был я бессмертен.
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен.

Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте.
Миг этот будет всегда предстоящим —
Даже за час, за мгновенье до смерти.

1960

* * *

Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались, точно птицы.

И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы.

1964

* * *

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Все, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

1964

* * *

Сменялись в детстве радугой дожди,
Сиянием солнца — сумрачные тени.
Но в зрелости не требуй и не жди
Таких простых и скорых утешений.

1964

* * *

Человек — хоть будь он трижды гением —
Остается мыслящим растением.
С ним в родстве деревья и трава.
Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рождения
Сила, стойкость, жизненность растения.

1964

* * *

Пуускай стихи, прочитанные просто,
Вам скажут все, о чем сказать должны.

А каблуки высокие нужны
Поэтам очень маленького роста.

1964

* * *

Ни сил, ни чувств для ближних не щади.
Кто отдает, тот больше получает.
Нет молока у матери в груди,
Когда она ребенка отлучает.

1964

П.Г. Антокольский
(1896—1978)

* * *

Нечем дышать, оттого что я девушку встретил,
Нечем дышать, оттого что врывается ветер,
Ломится в окна, сметает пепел и пыль,
Стало быть, небыль сама превращается в быль.
Нечем дышать, оттого, что я старше, чем время.

1976

А.Т. Твардовский
(1910—1971)

* * *

Как море, темнеет озимь,
Весенний ветер шумит.

В копейку лист на березе
Еще дождем не умыт.
Лужицы на дороге
Высохли, как на столе.
Сеять самые сроки,
Давать работу земле...

1932

Матери

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо —
Мне всякий раз тебя напоминают.

1937

* * *

Не дым домашний над поселком,
Не скрип веселого крыльца,
Не запах утренний сенца
На молодом морозце колком, —

А дым костра, землянки тьма,
А день, ползущий в лес по лыжням,
Звон пули в воздухе недвижимом,
Остекленевшем — вот зима...

1940

* * *

Пускай до последнего часа расплаты,
До дня торжества — недалекого дня —

И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.

Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

1941

Ноябрь

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

1943

* * *

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет.

1944

В час мира

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!

Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий
И кровь не всю впитал песок;
Но мир настал. Вдохните, люди,
Переступив войны порог...

1945

Моим критикам

Все учить вы меня норовите,
Преподашь немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

1956

Собратьям по перу

В деле своем без излишней тревоги
Мы затвердили с давнишней поры
То, что горшки обжигают не боги,
Ну, а не боги, так — дуй до горы.

Только по той продвигаясь дороге,
Нам бы вдобавок усвоить пора:
Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их — мастера!

1958

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.

Некогда. Времени нет для мороки, —
В самый обрез для работы оно.
Жесткие сроки — отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

1959

* * *

День прошел, и в неполном покое
Стихнул город, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним — за рассветной чертой —
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

1966

* * *

Есть имена и есть такие даты, —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

1966

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

* * *

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть, —
Не по готовым нотам.

Мне проку нет — я сам большой —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

1966

* * *

Отыграли по дымным оврагам
Торопливые воды весны.
И пошла она сбавленным шагом
В междуречье Пахры и Десны.

Где прямою дорогой, где кружной —
Вдоль шоссе, по закрайкам полей.
И помятые, потные,
Дружно
Зеленя потянулись за ней.

1967

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участие добрых душ.
Жить, как живешь, своей страдой бессонной,
Взялся за гуж — не говори: не дуж.

С тропы своей ни в чем не сступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней нашла себя судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

1968

* * *

Не заслоняй святую боль
Невозмутимым видом,
Коль стих на славу не тобой
Сегодня миру выдан.

Быть может, эта боль — залог
Того, что славы слаще,
Когда пронзает холодок
Удачи настоящей.

1969

* * *

Всему свой ряд, и лад, и срок:
В один присест, бывало,
Катал я в рифму по сто строк,
И все казалось мало.

Был неогляден день с утра,
А нынче дело к ночи...

Болтливость — старости сестра, —
Короче.
Покороче.

1969

О.Ф. Берггольц (1910—1975)

* * *

Будет страшный миг:
будет тишина.
Шепот, а не крик:
«Кончилась война...»
Темно-красных рек
ропот в тишине.
И ряды калек
в розовой волне...

1940

* * *

Я так боюсь, что всех, кого люблю,
утрачу вновь...
Я так теперь лелею и коплю
людей любовь.

И если кто смеется — не боюсь:
настанут дни,
когда тревогу вещую мою
поймут они.

1941

А.А. Сурков
(1899—1983)

* * *

Друг мой! в таежной ночной тишине
Вспышки ракет осветили окно.
Ты на минуту нагнись ко мне,
Я тебе слово скажу одно.

Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить, —
Вынь мое сердце! Ты в нем найдешь
Песню, которая будет жить.

1940 (?)

* * *

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.

С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

1940 (?)

* * *

Пусть железо сечет с высоты.
Кто нас может со смертью сдружить?
В час атаки, у смертной черты
Лишь неистойвой хочется жить.

1940 (?)

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

1941

* * *

За окопами — серая лента реки,
Дальше — черный, выжженные город.
Желтой жижей по каскам бегут ручейки
И ознобом стекают за ворот.

Впору волком завывать от погоды такой
И палить в облака из нагана.
Только то и отрадно, что им за рекой
Так же сыро и так же погано.

1942

Четверостишия

* * *

Все тайны души не постигнешь вовек —
Она, как колодец, темна, глубока.
Стрелок, уничтоживший сто человек,
Жалеет раздавленного жука.

* * *

Ефрейтор толкует сержанту: — Беда!
Все снится мне мир, и жена, и станица. —

А хитрый сержант улыбнулся: — Всегда
Пшеничная булка голодному снится.

1943

К.М. Симонов
(1915—1979)

* * *

Не той, что из сказок, не той, что с пеленок,
Не той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала, — запомнил я Родину.

И вижу ее, накануне победы,
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою женщиной.

1945

* * *

Да, мы живем, не забывая,
Что просто не пришел черед,
Что смерть, как чаша круговая,
Наш стол обходит круглый год.

Не потому тебя прощаю,
Что не умею помнить зла,
А потому, что круговая
Ко мне все ближе вдоль стола.

1945

До утра перед разлукой
Свадьба снилась мне твоя,
Папёрть... Сон, должно быть, в руку:
Ты — невеста. Нищий — я.

Пусть случится все, как снилось,
Только в жизни обещай —
Выходя, мне, сделай милость,
Милостыни не давай.

1945

* * *

Как говорят, тебя я разлюбил,
И с этим спорить скучно и не надо.
Я у тебя пощады не просил,
Не буду и у них просить пощады.

Пускай доводят дело до конца
По всем статьям, не пожалев усердья,
Пусть судят наши грешные сердца,
Имея сами только так — предсердья.

1947

* * *

Напоминает море — море.
Напоминают горы — горы.
Напоминает горе — горе;
Одно — другое.

Чужого горя не бывает,
Кто это подтвердить боится, —

Наверно, или убивает,
Или готовится в убийцы...

1970

* * *

Не пишется проза, не пишется,
И, словно забытые сны,
Все рифмы какие-то слышатся,
Оттуда, из нашей войны.

Прожектор, по памяти шарящий,
Как будто мне хочет помочь —
Рифмует «товарищ» с «пожарищем»
Всю эту бессонную ночь...

1970—1971

* * *

Умирают друзья, умирают...
Из разжатых ладоней твоих
Как последний кусок забирают,
Что вчера еще был — на двоих.

Все пустей впереди, все свободней,
Все слышнее, как мины там рвут,
То, что люди то волей господней,
То запущенным раком зовут...

1970

* * *

Ненужные воспоминания
Придут, когда их не зовут,
Как лишние переиздания
Книг, без которых — проживут!

Всем весом, всею грудой пыльною
Налягут так, что, чуть дыша,
Вдруг заскрипит — и даже сильная —
Прогнется, как доска, душа.

1970

* * *

Бывает, слово «ненавижу»
Звучит слабей, чем «не увижу».
Не взрыв, не выстрел, не гроза —
А белые, как смерть, глаза
И белый голос: не увижу.
Как в камень вмерзшая слеза.

1970

* * *

Навеки врублен в память поколений
Тот год в крови,
Тот снег
И та страна,
Которой даже мысль была странна —
Что можно перед кем-то — на колени...
Страна, где жил
И где не умер Ленин.
Хоть помним и другие имена,
И в чем заслуга их,
И в чем — вина.

1971

* * *

То недосуг
самих себя
чинить,

И только стрекоза, как первый самолет,
О новых временах напоминает.

1946

* * *

На черной трубе погорелого дома
Орел отдыхает в безлюдной степи.
Так вот что мне с детства так горько знакомо:
Видение цезарианского Рима —
Горбатый орел, и ни дома, ни дыма...
А ты, мое сердце, и это стерпи.

1958

* * *

Когда вступают в спор природа и словарь
И слово силится отвлечься от явлений,
Как слепок от лица, как цвет от светотени, —
Я нищий или царь? Коса или косарь?

Но миру своему я не дарил имен:
Адам косил камыш, а я плету корзину.
Коса, косарь и царь, я нищ наполовину,
От самого себя еще не отделен.

1966

* * *

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,

Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

1968

* * *

Красный фонарик на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.

Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бинта,

Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,

Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня.

1977

Н.М. Рубцов (1936—1971)

Куда полетим?

— Мы будем свободны, как птицы, —
Ты шепчешь. И смотришь с тоской,
Как тянутся птиц вереницы
Над морем, над бурей морской!
И стало мне жаль отчего-то,
Что сам я люблю и любим...
Ты — птица иного полета, —
Куда ж мы с тобой полетим?

1962

Улетели листья

Улетели листья

с тополей —

Повторилась в мире неизбежность...

Не жалея ты листья, не жалея,

А жалея любовь мою и нежность!

Пусть деревья голые стоят,

Не кляни ты шумные метели!

Разве в этом кто-то виноват,

Что с деревьев листья улетели?

1964

Цветы

По утрам умываясь росой,

Как цвели они! Как красовались!

Но упали они под косой,

И спросил я: — А как назывались? —

И мерещилось многие дни

Что-то тайное в этой развязке:

Слишком грустно и нежно они

Назывались — «анютины глазки».

1965

* * *

Случайный гость,

Я здесь ищу жилище

И вот пою

Про уголок Руси,

Где желтый куст

И лодка кверху днищем,

И колесо,
Забывтое в грязи...

1966

Тост

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься...
Пусть все это длится и длится!

1967

Воробей

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему,
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

1969

Элегия

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Хлеб

Положил в котомку
Сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял.
— Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! —
Все же бабка сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
— Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

(?)

Содержание

Похвальное слово миниатюре	3
Г.Р. Державин	20
Н.М. Карамзин	21
В.А. Жуковский	23
К.Н. Батюшков	26
Д.В. Давыдов	28
А.С. Пушкин	30
А.А. Дельвиг	43
Е.А. Баратынский	44
П.А. Вяземский	49
Н.М. Языков	52
Д.В. Веневитинов	53
К.Ф. Рылеев	54
А.И. Одоевский	54
Ф.И. Тютчев	55
М.Ю. Лермонтов	63
А.А. Фет	67
Н.П. Огарев	71
Я.П. Полонский	71
А.Н. Майков	72
И.С. Тургенев	79
Н.А. Некрасов	79
А.К. Толстой	83
Н.А. Добролюбов	88
В.С. Соловьев	89
С.Я. Надсон	90
И.А. Бунин	90

Ф.К. Сологуб	97
Д.С. Мережковский	99
З.Н. Гипшиус	100
В.Я. Брюсов	102
А.А. Блок	104
И.Ф. Анненский	117
К.Д. Бальмонт	122
В.И. Иванов	123
Н.С. Гумилев	124
В.Ф. Ходасевич	128
Игорь Северянин	130
В.В. Хлебников	131
А.А. Ахматова	132
О.Э. Мандельштам	143
С.А. Есенин	146
В.В. Маяковский	148
М.И. Цветаева	151
Э.Г. Багрицкий	155
Н.Н. Асеев	156
Б.Л. Пастернак	157
Л.Н. Мартынов	158
Н.С. Тихонов	170
И.Г. Эренбург	173
Д.Б. Кедрин	175
Н.А. Заболоцкий	176
М.А. Светлов	177
С.Я. Маршак	180
П.Г. Антокольский	186
А.Т. Твардовский	186
О.Ф. Берггольц	193
А.А. Сурков	194
К.М. Симонов	196
А.А. Тарковский	200
Н.М. Рубцов	202

Русская
стихотворная
миниатюра

Хрестоматия

ФЛИНТА • НАУКА

ISBN 5-89349-821-6

9 785893 498219